

Т. ПАРСОНС, Р.Ф. БЕЙЛЗ, Э.А. ШИЛЗ

РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ ПО ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ¹

Предисловие

Настоящую публикацию не следует считать в обычном смысле книгой; это, как заявлено в названии, *рабочие тетради*. За исключением, пожалуй, первой статьи, всё в этом сборнике — черновые наброски, которые писались по мере развития содержащихся в них теоретических идей и которые еще не были переработаны так, чтобы образовать логически связное целое, и не были, за исключением отдельных фрагментов, эмпирически проверены.

Мы приняли предложение издательства «Free Press» опубликовать эти статьи в их нынешней форме, так как надеемся извлечь пользу из дискуссии, которую они вызовут среди теоретически мыслящих членов заинтересованных профессиональных групп. Такая дискуссия, как нам кажется, ускорит процесс развития теории и поможет нам в дальнейшем создать более интегрированный и законченный продукт, причем раньше, чем было бы возможно в противном случае.

Поскольку это рабочие тетради, мы не пытаемся представить в них тот общий фон, который бы сделал их непосредственно понятными читателю, не знакомому с нашей предшествующей работой. Такая попытка потребовала бы много места и не соответствовала бы целям этой публикации.

Наиболее важные основоположения можно найти в трех предыдущих публикациях: в «Анализе процесса взаимодействия» Бейлза (Addison Wesley Press, 1950), книге «К общей теории действия» под редакцией Парсонса и Шилза (Harvard University Press, 1951), особенно в части II «Ценности, мотивы и системы действия», написанной Парсонсом и Шилзом², и в книге Парсонса «Социальная система» (Free Press, 1951)³.

¹ Перевод выполнен по изданию: *Parsons T., Bales R.F., Shils E.A. Working Papers in the Theory of Action*. N.Y.; L., 1953. P. 9-62. Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Личность. Культура. Общество». 2004. Т. 6. Вып. 1-2; 2005. Т. 7. Вып. 2-3; 2007. Т. 9. Вып. 1-3.

² См. рус. пер.: *Парсонс Т. Ценности, мотивы и системы действия // Парсонс Т. О структуре социального действия*. М., 2000. С. 458-562.

³ См. рус. пер.: *Парсонс Т. Социальная система // Парсонс Т. О социальных системах*. М., 2002. С. 3-520.

Также мы не пытались пересмотреть ранние работы в свете позднейших достижений. В них добавлены только некоторые редакторские примечания, в остальном же они оставлены в том виде, в каком были впервые опубликованы, и печатаются здесь в том порядке, в котором были написаны. Попытку свести все это воедино мы оставляем на будущее.

Обстоятельства, приведшие к этой совместной публикации, были, если говорить коротко, следующие. Все три автора вот уже несколько лет тесно сотрудничают друг с другом. Подход Бейлза к анализу взаимодействия в малых группах вырос из той же традиции социологической теории, что и рассмотрение более макроскопических уровней структуры и функционирования социальных систем Парсонсом и Шилзом. Хотя формально Бейлз не был соавтором в книге *«Кобцей теории действия»*, он активно участвовал во многих обсуждениях, на которых базировалась эта публикация, и внес в них существенный вклад.

Дальнейшие оживленные дискуссии между Парсонсом и Шилзом имели место по поводу следующей работы Парсонса *«Социальная система»*, особенно в связи с главой, посвященной процессам социализации, и главой о девиантном поведении и социальном контроле.

Кроме того, в течение весеннего семестра 1950–1951 учебного года мы вместе с Чарльзом Моррисом и некоторыми другими коллегами участвовали в неформальной дискуссионной группе, обсуждавшей теорию символизма в связи с действием, которая оказала на наше мышление огромное стимулирующее воздействие. Профессору Моррису мы выражаем за это свою особую признательность.

Первая статья этого сборника, *«Суперэго и теория социальных систем»*⁴, включена в него, поскольку перекидывает мостик от предыдущих публикаций Парсонса к более позднему этапу, на котором авторы этой книги сотрудничали. Она была написана в мае 1951 г. для заседания Американской психиатрической ассоциации, и тема, которой она посвящена, была выбрана как соответствующая содержанию этого мероприятия. Между тем в ней затрагивались самые общие проблемы теории.

Надеемся, что ее включение в сборник поможет читателю понять тот путь, в ходе которого были разработаны основные идеи, изложенные в следующих главах.

В начале осени 1951 г., отчасти в связи с конструированием теории для проекта эмпирического исследования социальной мобильности, Парсонс вновь взялся за тему символизма и написал на эту тему статью,

⁴ Уже опубликована в феврале 1952 г. в журнале *Psychiatry*. Благодарим редакторов этого журнала за любезное разрешение перепечатать здесь эту статью.

которая публикуется здесь как глава II. Работая над статьей, он постоянно советовался с Бейлзом. Новый свет, который пролило это предприятие на значимость схемы типовых переменных, делал все более ясным, что существует тесная связь между этой схемой и схемой категорий, разработанной Бейлзом для анализа процесса взаимодействия.

Внезапно стало понятно, что четыре системные проблемы у Бейлза и новая комбинация из четырех типовых переменных (за исключением переменной «ориентация на себя vs. ориентация на коллектив») – в сущности, одно и то же и что их можно рассматривать как альтернативные формулировки параметров четырехмерного пространства, что стало большим шагом вперед в консолидации этих двух схем.

Именно это озарение, нагрывавшее почти сразу после завершения статьи о символизме, увенчалось первой совместной статьей, которая публикуется здесь как глава 3. Она была написана в ноябре 1951 г.

С этой консолидацией почти сразу же стало очевидно, что схема типовых переменных, четыре системные проблемы, двенадцать категорий процесса взаимодействия, типология девиантных ориентаций, разработанная Парсонсом в «*Социальной системе*», и соответствующая парадигма процессов социального контроля могут быть сведены в единую аналитическую схему на основе принципов, очерченных в нашей статье о четырех параметрах.

Эти открытия, приходившие с большой скоростью вслед за исходным «прорывом», оставили нас, однако, со множеством нерешенных сложных теоретических проблем. Вторая совместная статья, составляющая главу V, по сути, документирует следующий этап прогресса в работе над этими проблемами, ставший итогом многомесячных усилий по выяснению следствий достигнутой ранее теоретической консолидации.

Основные очертания этой статьи были намечены Парсонсом и Бейлзом в апреле-мае 1952 г. Однако до отъезда Бейлза в Европу для преподавания на Зальцбургском семинаре удалось написать вчерне лишь вводную часть. Тем временем удалось устроить так, чтобы Шилз ранним летом приехал в Кембридж для возобновления, начатого ранее, сотрудничества с Парсонсом в разработке общей теории. Они продолжили работать над статьей согласно плану, который был разработан Парсонсом и Бейлзом.

Прежде чем настоящий пробный вариант был завершен, выяснилось, что многие темы получили пространное развитие. Первый черновой набросок этой статьи был подготовлен Парсонсом и Шилзом. По возвращении Бейлза из Европы, однако, все три автора вместе работали над обсуждаемыми в ней проблемами, и версия, публикуемая здесь, представляет расширенную ревизию этого чернового наброска.

В главе V выработанные ранее руководящие идеи развиваются в двух основных направлениях.

Первое — это использование четырехмерной схемы в анализе процесса действия как такового, которое достигает кульминации в прояснении анализа фазового протекания этого процесса как в мотивационном, так и в символично-культурном его аспектах.

Второе основное направление — сочленение этой параметрической схемы с анализом структуры систем, особенно социальных систем, который был предложен в предыдущих работах, прежде всего в «Социальной системе» и, на микроскопическом уровне, в «Анализе процесса взаимодействия».

Эти два направления расширения сводятся воедино в первую очередь тщательным прояснением микроскопического и макроскопического уровней системного соотношения и того, как они друг с другом сочленяются. На самом деле мы считаем это, возможно, самым важным единым ключом к теоретической ясности в этой области.

Важно подчеркнуть, что теоретическая работа, отраженная в этой подборке статей, протекала на фоне наших эмпирических исследовательских интересов и в теснейшей связи с ними. Некоторые эмпирические результаты работы Бейлза о малых группах фактически были источником некоторых важнейших прозрений, которые мы формулируем в более общей форме в наших ранее опубликованных статьях.

Интеракционный уровень анализа служил нам на протяжении всей нашей работы стабильной эмпирической отправной точкой, которая помогла нам распутать некоторые из весьма щекотливых смысловых проблем, связанных с тем, что концептуальная схема, с которой мы работаем, применима ко всему микроскопическо-макроскопическому диапазону систем действия.

Статья Бейлза, помещенная здесь как глава IV, была написана в мае 1952 г. специально для этого сборника. Надеемся, она поможет читателю более конкретно увидеть эмпирическую релевантность некоторых в высшей степени абстрактных идей общей теории, особенно тех, которые относятся к проблеме уравнивания системы.

И, может быть, даже разделить с нами в какой-то мере то воодушевление, которое нас охватывает при мысли о том, что мы имеем в своих руках способ производства данных, связанный столь непосредственно с самым абстрактным уровнем теории. Шилз, в свою очередь, изучал первичные группы и другие проблемы анализа социальной структуры.

В то же время значительная часть работы Парсонса была тесно связана с проектом в области социальной мобильности, которым он зани-

мался совместно с Сэмюэлом А. Стауффером и Флоренс Клакхон при участии небольшого штата сотрудников и участников студенческого исследовательского семинара.

В этой связи попытка вычлнить структуру профессиональных ролей как референтную систему увела нас в глубины анализа социальной системы в целом дальше, чем мы до этого считали необходимым. Краткое описание подхода к классификации профессиональных ролей, разработанного таким образом, включено в главу V этих «Тетрадей». Более полное представление данных и их истолкование были оставлены для будущих публикаций, связанных с проектом по мобильности.

Невозможно выразить всю нашу признательность многим другим людям, причастным к этой работе. Она готовилась в атмосфере непрерывных дискуссий с многочисленными коллегами и студентами и, как уже было сказано, теснейшим образом связана с нашими эмпирическими исследованиями и, следовательно, с теми, кто с нами в этой работе сотрудничал. Без их вклада стоявшая перед нами особая задача не могла бы быть выполнена⁵.

Глава 1. Суперэго и теория социальных систем⁶

В самом широком смысле, вклад психоанализа в социальные науки состоял, пожалуй, в необычайном углублении и обогащении нашего понимания человеческой мотивации. Это было столь всепроникающее влияние, что почти невозможно проследить его многочисленные ramifications.

В настоящей статье я решил сказать кое-что об одном из аспектов этого влияния — а именно, о влиянии, оказанном психоаналитическим понятием суперэго, — ввиду его особенно непосредственной релевантности для центральных теоретических интересов моей социально-научной дисциплины — социологической теории. По сути дела, это понятие образует одну из важнейших точек, в которых возможно установить прямые отношения между психоанализом и социологией. Именно в этой связи я и собираюсь его обсудить.

Психоанализ, наряду с другими традициями психологической мысли, естественным образом сосредоточился на изучении личности индивида, выбрав ее центральной точкой своей схемы соотнесения. Социология, в свою очередь, столь же естественным образом интересовалась прежде

⁵ Глава написана Толкоттом Парсонсом. См.: *Толкотт Парсонс, Роберт Ф. Бейлз, Эдвард А. Шилз*. Кембридж, шт. Массачусетс. Октябрь 1952 г.

⁶ Основное содержание статьи было представлено на заседании психоаналитической секции Американской психиатрической ассоциации в Цинциннати, шт. Огайо, 7 мая 1951 г. Темой заседания, на котором оно было представлено, был «Вклад психоанализа в социальные науки». Тезисы статьи были опубликованы в: *Psychiatry*. Vol. XV. № 1. Feb. 1952.

всего паттернированием поведения множества индивидов, конституирующим то, что мы все более склонны называть социальной системой.

В силу исторических различий перспектив и отправных точек, концептуальные схемы, получаемые исходя из этих двух точек зрения, как правило, не вполне согласовывались друг с другом, и этот факт породил массу недоразумений.

Между тем, недавняя теоретическая работа⁷ показывает, что, в соответствии со сходящимися тенденциями мысли, возможно совместить основные теоретические тенденции этих дисциплин, поместив их в общую рамку соотнесения, — ту, которую некоторые социологи стали называть «теорией действия». В перспективе этой попытки теоретической унификации я и собираюсь подойти к анализу понятия суперэго.

Одна из основных причин выбора этого понятия состоит в том, что оно исторически оказалось в центре действительного процесса конвергенции. По крайней мере, отчасти именно в силу этого открытие Фрейдом интернализации моральных ценностей как существенной части структуры самой личности стало ключевой вехой в развитии наук о человеческом поведении.

Хотя в литературе того периода можно найти и несколько других в чем-то схожих формулировок, яснее всего с фрейдовской теорией суперэго сходилась теория социальной роли моральных норм, выдвинутая французским социологом Эмилем Дюркгеймом, теория, которая стала одним из краеугольных камней в последующем развитии социологической теории.

Прозрения Дюркгейма на эту тему немного предшествовали открытиям Фрейда⁸. Дюркгейм отталкивался от идеи, что индивид как член

⁷ См.: *Parsons T., Shils E. (eds.) Toward a General Theory of Action. Cambridge, 1951*; См. также: *Parsons T. The Social System. Glencoe, Ill., 1951.*

⁸ Воззрения Дюркгейма были впервые ясно изложены в статье «Determination du fait moral», опубликованной в *Revue de metaphysique et de morale* в 1906 г. (см. рус. пер.: *Дюркгейм Э. Определение моральных фактов // Теоретическая социология: Антология. М., 2002. 4.1. С. 25-69*), и получили гораздо более основательное развитие в его последней книге *Les formes ulimentaire de la vie religieuse* (Paris, 1912). Указанная ранняя статья была переиздана в томе *Sociologie et philosophie* под ред. Шарля Бутле (Paris, 1929). Ее тематика разрабатывается далее в посмертно опубликованных лекциях, прочитанных в Сорбонне в 1906 г, которые имеют заглавие *L'Education morale* (Paris, 1925). Под сильным влиянием Дюркгейма находится работа швейцарского психолога Жана Пиаже, который развивал его взгляды с психологической стороны. См. особенно его работу *The Moral Judgment of the Child* (Glencoe, 1948). Полагаю, читатель-психиатр знаком с соответствующими работами Фрейда. Тем не менее, назову две самые важные из них, где обсуждается суперэго: *The Ego and the Id. L., 1949* (рус. пер.: *Фрейд З. «Я» и «Оно»*. Труды разных лет. Тбилиси, 1991. Кн. 1. С. 351-392) и *New Introductory Lectures on Psychoanalysis. N. Y, 1933* (рус. пер.: *Продолжение лекций по введению в психоанализ // Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989. С. 299-416*).

общества не целиком свободен принимать собственные моральные решения, но в каком-то смысле «принуждается» к принятию ориентаций, общих для того общества, членом которого он является.

Он предпринял ряд попыток истолковать природу этого принуждения и сосредоточился в итоге на двух первичных чертах этого феномена: во-первых, на том, что моральные правила «подчиняют» поведение в самом фундаментальном смысле, скорее, моральному авторитету, чем внешнему принуждению; и, во-вторых, на том, что эффективность морального авторитета нельзя объяснить без допущения того, что (как мы теперь говорим) ценностные паттерны были интернализированы как часть личности.

В силу некоторых терминологических особенностей, в которые нам нет нужды здесь вдаваться, Дюркгейм тяготеет к отождествлению «общества» как такового с системой моральных норм. В этом особом смысле термина «общество» важно, что он выдвинул ясную формулу: «общество существует только в умах индивидов».

В работе Дюркгейма содержатся лишь предположения относительно психологических механизмов интернализации и места интернализированных моральных ценностей в структуре самой личности. Но это не отвлекает нашего внимания от массивного феномена конвергенции фундаментальных прозрений Фрейда и Дюркгейма, прозрений не только относительно фундаментальной важности моральных ценностей в человеческом поведении, но и относительно [важности] интернализации этих ценностей.

Эта конвергенция идей, идущих от двух совершенно разных и независимых отправных точек, заслуживает того, чтобы рассматриваться как одна из поистине фундаментальных вех в развитии современной социальной науки. Ее можно уподобить схождению результатов экспериментального изучения размножения растений Менделем с результатами микроскопического изучения деления клетки — конвергенции, которая привела к открытию хромосом как носителей генов. Только когда эти два совершенно разных корпуса научного знания удалось свести воедино, родилась современная наука о генетике.

Конвергенция мышления Фрейда и Дюркгейма может помочь нам сформулировать проблему этой статьи: как может фундаментальный феномен интернализации моральных норм быть проанализирован таким образом, чтобы обеспечить максимальную общность выводов из этой формулировки, как для теории личности, так и для теории социальной системы?

Ведь если возможно сформулировать ключевые моменты проблемы достаточно генерализованным образом, то анализ должен оказаться в

равной степени релевантным в обоих направлениях. Следовательно, он должен внести вклад в интеграцию психоаналитической теории личности и социологической теории социальной системы, а тем самым и в дальнейшее развитие концептуальной схемы, которая является существенно общей для них обеих.

Необходимой отправной точкой в попытке связать эти два корпуса теории является анализ некоторых фундаментальных черт взаимодействия двух или более лиц; сам процесс взаимодействия при этом понимается как система.

Как только прояснятся основные черты такой интерактивной системы, выводы из анализа могут быть сделаны в *обоих* направлениях: [в перспективе] изучения структуры и функционирования личности как системы в отношении других личностей; и [в перспективе] изучения функционирования социальной системы как системы.

Можно предположить, что в прошлом трудность совмещения этих двух направлений мысли проистекала из того факта, что этот анализ никогда не доводился до конца; а до конца он не доводился потому, что ставил [ученого] в положение «между двух стульев».

С одной стороны, Фрейд и его сподвижники, сосредоточив внимание на единичной личности, не смогли адекватно учесть то, что из взаимодействия индивида с другими личностями вытекает *формирование системы*.

С другой стороны, Дюркгейм и другие социологи, сосредоточившись на социальной системе как системе, не смогли систематически рассмотреть импликации того факта, что именно *взаимодействие личностей* конституирует социальную систему, которой они занимались, и что, стало быть, адекватный анализ мотивационного процесса в такой системе должен принять во внимание проблемы личности. Этим обстоятельством, похоже, и объясняется то, что этой темой столь серьезно пренебрегали.

Прежде всего, можно указать, что два взаимодействующих лица должны пониматься как объекты друг для друга в двух *первичных* аспектах, а также в третьем аспекте, который в каком-то смысле произведен от двух предыдущих. Это (1) когнитивное восприятие и концептуализация — ответ на вопрос, *что есть этот объект*, и (2) катексис — привязанность или отвращение, — [т.е.] ответ на вопрос, *что объект означает* в эмоциональном смысле.

Третьим модусом ориентации лица на объект является оценивание — интеграция когнитивных и катектических значений объекта, [посредством которой они] образуют систему, причем систему, устойчивую во времени. Можно утверждать, что никакая устойчивая связь между двумя или

более объектами невозможна без наличия у *обеих* сторон отношения всех трех указанных модусов ориентации⁹.

Рассмотрение условий, от которых зависит такая устойчивая, обоюдно ориентированная система взаимодействия, приводит к заключению, что на человеческом уровне эта обоюдность взаимодействия должна опосредоваться и стабилизироваться *общей культурой*, т.е. общеразделяемой системой символов, понимание значений которых обеими сторонами приближается к согласию.

Существование таких символических систем, которые в особенности, хотя и не исключительно, заключены в языке, свойственно всем известным человеческим обществам.

Как бы изначально ни развивались имеющиеся в обществе системы символов, они оказываются втянуты в социализацию каждого ребенка. Можно допустить, что важность общих систем символов является как следствием, так и условием крайней пластичности и восприимчивости человеческого организма, которые, в свою очередь, служат существенными условиями его способности обучаться и, в том числе, неправильно обучаться. Такие черты человеческого организма приносят элемент крайней потенциальной нестабильности в процесс человеческого взаимодействия, и это требует стабилизирующих механизмов, чтобы интерактивная система как система функционировала.

Элементы общей культуры значимы в соотношении со всеми тремя модусами ориентации действия. Некоторые из них имеют в первую очередь когнитивную значимость; другие — прежде всего катектическую значимость, выражающую эмоциональные значения или аффект; третьи имеют прежде всего оценочную значимость.

Нормативная регуляция при установлении стандартов характерна для всей культуры; таким образом, в любой данной культуре есть правильный способ символизации любой ориентации действия. Фактически, это необходимо для самой коммуникации: чтобы коммуникация была эффективна, должны соблюдаться языковые конвенции.

Тот факт, что катексис человеческого объекта — то есть эмоциональная значимость этого объекта для данного лица, — зависит от отзывчивости этого объекта, хорошо известен психоаналитической теории. Можно

⁹ Дальнейшая разработка этой аналитической отправной идеи и оснований в пользу ее принятия может быть найдена в: *Parsons T., Shils E. (eds.) Toward a General Theory of Action* (см. ссылку в примечании 1). См. особенно: «General Statement» и Part II «Values, Motives, and Systems of Action» (рус. пер.: *Парсонс Т. О структуре социального действия*. М., 2000. С. 415-652). Читатель может обратиться также к книге: *Parsons T. The Social System* (см. ссылку в примечании 1).

считать почти трюизмом, что, в конечном счете, трудно или вообще невозможно любить, не получая ответной любви. Труднее понять, что в этом отношении существует почти прямой параллелизм между катексисом и когницией.

В конце концов, [присущий] лицу катексис неодушевленного объекта, такого, как пищевой объект, не зависит напрямую от отзывчивости объекта; было бы, разумеется, антропоморфизмом предполагать, что стейку нравится, когда его съедают, в том смысле, в каком голодному человеку нравится есть стейк.

Таким же образом и когниция неодушевленного объекта лицом не зависит напрямую от взаимной когниции лица объектом. Но там, где объектом является другое лицо, эти двое конституируют – как эго и альтер – *интерактивную* систему. Вопрос в том, что *есть* альтер, в когнитивном смысле, с точки зрения эго, и наоборот. Ясно, что ответ на этот вопрос должен предполагать [определенное] место – или, как говорят социологи, «статус» – эго и альтер в структуре интерактивной системы.

Так, когда я говорю, что некое лицо – это моя мать, мой друг или мой студент, я характеризую это лицо как участника некой системы социального взаимодействия, в которую я также включен.

Стало быть, не только взаимные катектические установки лиц, но и их когнитивные образы друг друга являются функциями их взаимодействия в системе социальных отношений; в некотором фундаментальном смысле, один и тот же порядок связи относится к обоим случаям.

Таким образом, социальная система является функцией общей культуры, которая не только формирует основу интеркоммуникации ее членов, но также определяет и тем самым в некотором смысле детерминирует относительные статусы ее членов. В удивительно широких пределах нет никакой внутренней значимости лиц друг для друга, которая бы не зависела от их действительного взаимодействия.

В той мере, в какой эти относительные статусы определяются и регулируются общей культурой, истинно следующее внешне парадоксальное утверждение: то, что *являют собою* лица, может быть понято лишь через набор представлений и чувств, определяющих, какими им *надлежит быть*. Это положение верно лишь в самом широком смысле, но, несмотря на это, принципиально важно для понимания социальных систем.

Именно в этом контексте должна пониматься центральная значимость моральных стандартов в общей культуре систем социального взаимодействия. Моральные стандарты как средоточие оценочного аспекта общей культуры образуют ядро стабилизирующих механизмов системы

социального взаимодействия. Более того, эти механизмы выполняют функцию стабилизации не только установок, т.е. эмоциональных значений лиц друг для друга, но и категоризации, т.е. когнитивных определений того, чем являются лица в социально значимом смысле.

Если этот подход правилен, то место суперэго как части структуры личности должно пониматься в терминах связи между личностью и целостной общей культурой, благодаря которой становится возможна стабильная система социального взаимодействия на человеческих уровнях. Фрейд был глубоко прав, сосредоточившись на элементе моральных стандартов. Он действительно центральный и решающий, но нам кажется, что взгляд Фрейда был слишком узким.

Неизбежный вывод состоит в том, что не только моральные стандарты, а *все компоненты общей культуры* интернализируются как часть личностной структуры. И действительно, моральные стандарты в этом отношении не могут быть отделены от *содержания* паттернов ориентации, которые они регулируют; как я уже отмечал, содержание как катектических установок, так и определений когнитивного статуса, имеет культурную, а следовательно нормативную значимость.

Это содержание является культурным и усвоенным в обучении. Ни то, чем человеческий объект в самых значимых аспектах *является*, ни то, что он эмоционально *означает*, нельзя понять как данность, не зависящую от природы самого интерактивного процесса; и значимость моральных норм как таковых в очень значительной степени связана с этим фактом.

Видимо, прозрения Фрейда в этой области всерьез сдерживались тем, что он опирался в своем мышлении на схему соотнесения, связывающую личность с ее ситуацией, или средой, вне специфической связи с анализом социального взаимодействия лиц как системы.

Этой перспективой, которая в его время безраздельно господствовала, объясняются две черты его теории. Прежде всего, когнитивное определение объектного мира, видимо, не было для Фрейда проблематичным. Он подводил его целиком и полностью под «внешнюю реальность», в отношении которой «функции эго» конституируют процесс адаптации.

Он не уделил должного внимания тому факту, что схема соотнесения, в терминах которой опознаются объекты и к которой, стало быть, происходит адаптация, имеет культурный характер и, следовательно, не может приниматься как данность, а должна быть интериоризирована, что составляет условие развития зрелого эго-функционирования.

В этом отношении, видимо, правильно было бы сказать, что Фрейд

ввел нереальное разграничение между суперэго и эго; границы между ними на самом деле трудно определить в его теории.

В свете вышеизложенных соображений, различие, проводимое Фрейдом между суперэго и эго, при котором первое интернализируется посредством идентификации, а второе, по-видимому, состоит, скорее, из реакций на внешнюю реальность, чем из интернализированной культуры, — не выдерживает критики. Эти реакции являются, разумеется, усвоенными реакциями; но интернализация есть особый род научения, который Фрейд относил, похоже, лишь к суперэго.

Если этот аргумент ставит вопрос о когнитивной функции и, стало быть, о теории эго, то из него, *ipso facto*, вытекают следствия и касательно суперэго. Здесь важно указать, что взгляд Фрейда, по-видимому, предполагает, что объект как [нечто] когнитивно значимое дан независимо от интернализированной культуры актора, после чего к нему применяются стандарты суперэго.

При этом не принимается в расчет, насколько конституирование объекта и его моральная оценка являются неотъемлемой частью *одних и тех же* фундаментальных культурных паттернов; суперэго приобретает видимость произвольности и диссоциации от остальной личности — особенно от эго, — что совершенно не стыкуется с фактами.

Вторая проблема теории Фрейда касается связи катексиса, или аффекта, с суперэго. В каком-то смысле она есть обратная сторона его связи с когницией. Вопрос здесь, возможно, аналогичен вопросу о передаче света в физике: как может передаваться катектическая значимость объекта в отсутствие прямого биологического контакта? На самом деле путаница в этом вопросе, возможно, является одним из источников подчеркивания сексуальности во фрейдовской теории, поскольку сексуальность обычно предполагает такой прямой контакт.

Для Фрейда объект, пусть даже человеческий, как правило, есть нечто инертное, к чему присоединяется «заряд» катектической значимости. Считается, что этот процесс выражает инстинкты актора, или либидо; элемент взаимности же обычно рассматривается как второстепенный и почти произвольный. Это связано с тем, что, хотя Фрейд и внес огромный вклад в теорию экспрессивного, или катектического символизма, особенно в «*Толковании сновидений*», имеется очень существенное ограничение на расширение этой теории.

Можно сказать, что в основе этого лежит тот факт, что Фрейд был склонен ограничивать рассмотрение символизма в эмоциональном контексте его непосредственно экспрессивными функциями и не смог выйти на анализ его коммуникативных функций. Символ сновидения остался для него прототипом аффективного символизма.

Возможно, в значительной мере именно в силу этого Фрейд не акцентировал в таком символизме аспект общей культуры, а пытался найти его истоки главным образом во внутренних значениях, независимых от интерактивного процесса и его общей культуры. В более общем плане, смысл анализа аффекта состоял в том, чтобы подчеркнуть фундаментальную изоляцию индивида в его одинокой борьбе со своим ид¹⁰.

Весь этот способ рассмотрения проблемы катексиса, по-видимому, имеет некоторое множество следствий, схожих с теми, которые были указаны выше в связи с когницией; он ведет к диссоциации суперэго от источников аффекта. Это обусловлено тем фактом, что Фрейд явно недооценил наличие и значимость общей культуры экспрессивно-аффективного символизма и вытекавшую отсюда необходимость мыслить эмоциональный компонент взаимодействия как опосредованный этим аспектом общей культуры.

Таким образом, тот аспект суперэго, который отвечает за регулирование эмоциональных реакций, должен рассматриваться как определяющий регулятивные принципы этой системы взаимодействия. Он есть неотъемлемая *часть* символизма эмоциональной экспрессии, а не что-то сверх него, наряду с ним или отдельно от него.

Общий смысл этой критики состоит в том, что Фрейд, сформулировав понятие суперэго, лишь приступил к анализу роли общей культуры в личности. Структура его теоретической схемы не дала ему увидеть возможности перенесения того же фундаментального анализа с интернализации моральных стандартов, — которую он относил к суперэго, — на интернализацию когнитивной схемы соотнесения для межличностных отношений и для общей системы экспрессивного символизма. Точно так же она помешала ему увидеть, насколько эти три элемента общей культуры интегрированы друг с другом.

Этот очень абстрактный анализ может стать немного более понятным, если привести примеры того, что подразумевается под системой когнитивной референции, или категоризации, и под системой экспрессивного символизма, имея в виду, что обе являются частями интернализированной общей культуры.

Одним из самых показательных примеров первой является половая категоризация, т.е. усвоение сексуальной роли. Фрейд говорит об изначальной «бисексуальности» ребенка. У него все держится на том, что он постулировал конституционально заданную двойственность ориентации.

¹⁰ Этот взгляд был, разумеется, модифицирован в позднейшей психоаналитической мысли, но именно в его рамках Фрейд ввел понятие суперэго.

Исходя из нашего подхода, возможна, по крайней мере, одна альтернативная гипотеза, которую необходимо рассмотреть¹¹.

Эта гипотеза состоит в том, что некоторые основные факты, которые Фрейд интерпретировал как проявления конституциональной бисексуальности, могут быть объяснены тем фактом, что категоризация лиц — в том числе категоризация актором самого себя, взятого в качестве центра, — на два пола нигде, кроме как в соматических координатах, биологически не задана, но должна быть усвоена ребенком в ее психологической значимости.

Тот факт, что дети обоих полов начинают жизнь по существу с одной и той же связи с матерью, является основополагающим, и сам Фрейд справедливо подчеркивал его важность. Далее можно предположить, что процесс, посредством которого мальчик учится дифференцировать себя в плане пола от матери и в этом смысле «идентифицироваться» с отцом, а девочка учится идентифицироваться с матерью, — это процесс научения. Одной из главных составляющих процесса взросления является интернализация собственной половой роли как решающей части Я-образа.

Вполне возможно, что этот способ рассмотрения указанного процесса будет полезен, поскольку делает допущение конституциональной бисексуальности поверхностным объяснением половой идентификации индивида, по крайней мере, отчасти.

Во всяком случае, он имеет то огромное преимущество, что напрямую связывает детерминацию половой категоризации с ролевой структурой социальной системы не только в эмпирическом, но и в теоретическом смысле. Каждый социолог оценит это, поскольку ему известна принципиальная значимость половой ролевой дифференциации и конституции для социальной структуры.

Пример второй роли, роли общего экспрессивного символизма, можно найти в процессе, посредством которого выстраивается взаимная установка любви между матерью и ребенком. Фрейд, по-видимому, вполне справедливо указывает на то, что истоки установки любви у ребенка обнаруживаются в его зависимости от матери [в плане доступа к] самым элементарным источникам удовлетворения, таким как пища, элементарные удобства и безопасность.

Постепенно, в процессе взаимодействия, у ребенка строится система ожиданий относительно продолжения и повторения этих удовлетворений;

¹¹ Этим ни в коем случае не предполагается, что *нет* элемента конституциональной бисексуальности; имеется в виду всего лишь, что *некоторые* вещи, которые Фрейд ей приписывал, могут быть объяснены на других основаниях.

и эти ожидания связываются друг с другом в результате того, что все многообразие таких удовлетворений исходит от одного источника, матери.

Можно предположить, что в этом процессе задолго до развития языка начинает происходить процесс генерализации, так что некоторые акты матери интерпретируются как *знаки* того, что можно ожидать удовлетворяющих исполнений; так, например, ребенок обретает способность интерпретировать ее приближающиеся шаги или тон ее голоса.

Предполагается, что одна из главных причин важности эротического компонента связи ребенка с матерью состоит в том, что, поскольку телесный контакт является существенным аспектом заботы о ребенке, эротические удовлетворения легко приобретают символическую значимость. Эротический элемент имеет то чрезвычайно важное свойство, что он относительно диффузен, ибо активизируется любого рода нежным телесным контактом. Эта диффузность делает его особенно пригодным в качестве носителя (vehicle) символических значений.

Благодаря этому процессу, таким образом, постепенно осуществляется переход ребенка от сосредоточения на эротической стимуляции как таковой к сосредоточению на *установке* матери, выраженной в эротически приятной стимуляции. Только когда этот переход произошел, будет корректно говорить о том, что ребенок стал зависимым от *любви* матери, а не просто от тех специфических удовольствий, которые мать ему доставляет.

Только когда достигается этот уровень, установка любви может стать мотивом к принятию дисциплинарных воздействий, ибо тогда она может оставаться стабильной — даже если многие специфические удовлетворения, ранее вовлеченные в эту связь, будут из нее устранены.

Здесь важно, что в аффективном своем аспекте взаимодействие ребенка с матерью есть *не только* процесс взаимного удовлетворения потребностей, но и, для ребенка, процесс усвоения (learning) символической значимости сложной системы актов со стороны матери — того, что они обозначают относительно ее чувств, и того, каким образом они связаны взаимозависимостью с его актами и, тем самым, являются отчасти их последствиями.

Иначе говоря, между ними развивается сложный язык эмоциональной коммуникации. Лишь когда ребенок освоил этот язык на относительно сложном уровне, можно говорить, что он научился любить свою мать или быть зависимым от ее любви к нему.

Таким образом, происходит переход от «зависимости от удовольствия» к «зависимости от любви». Одним из первичных аспектов научения любить и быть любимым является интернализация общей культуры экс-

прессивного символизма, которая делает для ребенка возможными выражение *и передачу* его чувств и понимание чувств матери по отношению к нему.

Очевидно, лишь тогда, когда достаточно развитая система когнитивного соотнесения и система экспрессивного символизма интернализированы, закладывается фундамент для развития суперэго; ибо только тогда о ребенке можно сказать, что он способен к пониманию — как в когнитивном, так и в эмоциональном смысле, — значения тех предписаний и запретов, которые на него накладываются.

Ребенок должен дозреть до того уровня, когда он может начать играть *ответственную* роль в системе социального взаимодействия и когда он может понять, что то, что люди чувствуют, является функцией его и их соответствия, взаимно поддерживаемым стандартам поведения. Лишь когда он становится зависим от любви своей матери, он может развить осмысленную тревогу, ибо тогда он может рискнуть своей обеспеченностью этой любовью, поступив вразрез с тем, что она ожидает от него как от хорошего мальчика.

Из приведенных соображений вытекают важные следствия для природы процесса идентификации, так как это основной механизм, посредством которого приобретает суперэго. Если этот анализ верен, решающая проблема связана с процессом интернализации общей культуры, включая все три основных ее компонента — систему когнитивного соотнесения, систему экспрессивного символизма и систему моральных стандартов.

Во-первых, по-видимому, ясно, что интернализироваться могут *только* культурные системы символов. Объект может катектироваться, опознаваться и оцениваться, но он не может вбираться в личность сам по себе; единственный смысл, в котором приемлема последняя терминология, состоит в привлечении внимания к тому, что общая культура на самом деле является частью личности объекта, но она — только аспект ее, а не вся она целиком.

Одних лиц можно говорить, что они идентифицируются друг с другом, в той мере, в какой они *разделяют* важные компоненты общей культуры. Но так как роли в социальной системе дифференцированы, следует заметить, что всегда важно уточнять, *какие именно* элементы культуры являются общими.

Во-вторых, важно указать, что усвоение (learning) общей культуры может вести к принятию либо роли, идентичной роли объекта идентификации, либо роли, дифференцированной от роли этого объекта. Так, в случае мальчика и его матери усвоение мальчиком его половой категори-

зации позволяет ему понять и принять тот факт, что с точки зрения пола он от нее отличается.

Стандарты подходящего поведения для обоих полов разделяются членами того и другого, но их *применение* дифференцировано. Употребление термина «идентификация» часто было двусмысленным, поскольку предполагало сходство как стандартов, так и применения.

С нашей точки зрения, совершенно правильно говорить, что мальчик усваивает свою половую роль посредством идентификации с матерью (поскольку о половой категоризации он узнает отчасти от нее) и благодаря тому, что он и она принадлежат к разным половым категориям, из чего вытекают важные следствия для *его* поведения. Это отличается от идентификации с отцом в том смысле, что он узнает (*learns*), что попадает с точки зрения пола в один класс со своим отцом, а не со своей матерью.

В-третьих, похоже, есть исчерпывающие свидетельства того, что, хотя идентификация не может означать *становление объектом*, как интернализация общей культуры она зависит от *позитивного катексиса объекта*. Соображения, приведенные выше, дают некоторые предположения относительно того, почему так должно быть.

Интернализация паттерна культуры — это не просто познание его как объекта внешнего мира; это включение его в действительную структуру личности как таковой. А это означает, что паттерн культуры должен быть интегрирован с аффективной системой личности.

Между тем, культура есть система генерализованных символов и их значений. Чтобы интеграция с аффектом, конституирующая интернализацию, произошла, собственная аффективная организация индивида должна достичь высоких уровней генерализации.

Основным механизмом, посредством которого это совершается, оказывается выстраивание привязанностей к другим лицам — иначе говоря, эмоциональная коммуникация с другими, посредством которой индивид становится чувствительным к *установкам* других, а не просто к их специфическим актам с присущей им значимостью удовлетворения или лишения.

Иными словами, процесс формирования привязанностей есть *сам по себе*, по своей внутренней природе, процесс генерализации аффекта. Но эта генерализация, в свою очередь, есть в действительности, в одном из основных ее аспектов, процесс символизации эмоциональных значений — иначе говоря, процесс приобретения культуры.

Внутренняя трудность создания культурных паттернов настолько велика, что ребенок может обрести сложную культурную генерализацию

только посредством взаимодействия с другими, которые уже ею обладают. Катексис объекта как центральный аспект идентификации является тогда [всего лишь] иным названием для развития *мотивации* к интернализации культурных паттернов или, по крайней мере, для одной принципиально важной фазы этого процесса.

Условия социализации человека таковы, что удовлетворения, которые проистекают из его катексиса объектов, не могут быть обеспечены, если он не сформирует, наряду с генерализацией эмоциональных значений и их передачи, когнитивную категоризацию объектов, в том числе самого себя, и систему моральных норм, регулирующих отношения между ним и объектом (суперэго).

Этот взгляд на процесс идентификации, возможно, поможет прояснить одну смущающую черту фрейдовского метода рассмотрения. Фрейд, напомним, отрицает, что очень маленький ребенок способен к объектному катексису, и говорит об идентификации, в противоположность объектному катексису, как о «самой ранней форме эмоциональной связи с объектом». Далее он говорит об идентификации с отцом в Эдиповой ситуации как о возвращении к более «примитивной» форме связи с объектом.

Я бы согласился, что ранняя привязанность ребенка к матери и его позднейший катексис ее — не одно и то же. Представляется вероятным, что самая ранняя привязанность, так сказать, докультурна, тогда как подлинный катексис объекта предполагает интернализацию культурной системы символов.

Вместе с тем кажется крайне сомнительным, что связь с отцом в Эдиповой ситуации может быть правильно описана как возвращение к до-символическому уровню. Здесь нет возможности основательно углубиться в эту проблему; но можно предположить, что Эдипову ситуацию лучше было бы истолковать как напряжение, навязываемое ребенку принуждением к совершению еще одного важного шага во взрослении, в процессе, в котором отец становится центром его амбивалентных чувств именно потому, что ребенок не решается рискнуть любовной связью с матерью.

Хотя при таком напряжении следует ожидать проявления регрессивных паттернов реакции, они не являются ядром процесса идентификации; при всей их важности, они — вторичные феномены.

Если приведенное описание интернализированного содержания личности и процессов идентификации указывает в правильном направлении, оно, по всей видимости, предполагает необходимость внести некоторые модификации в структурную теорию личности Фрейда. Прежде всего, интернализируется — то есть вбирается посредством идентификации из катектированных социальных объектов — не только суперэго, но

и другие важные компоненты, которые, предположительно, должны быть включены в эго. Это система когнитивных категоризации объектного мира и система экспрессивного символизма.

Если это верно, то отсюда – и это во-вторых – вытекает необходимость существенной модификации фрейдовского понятия эго. Элемент *организации*, являющийся существенным свойством эго, не выводился бы тогда из «принципа реальности», т.е. только из адаптивных реакций на внешний мир. Вместо этого он выводился бы из двух фундаментальных источников: из внешнего мира как среды и из общей культуры, перенимаемой от объектов идентификации.

И то и другое, разумеется, приобретается извне, но последний компонент эго больше похож по своему происхождению и характеру на суперэго, чем на уроки опыта.

В-третьих, есть аналогичные проблемы в отношении границы между эго и ид. Ключ к тому, что нам, возможно, здесь нужно, содержат частые ссылки Фрейда на то, что было названо здесь «экспрессивными символами», как на представителей импульсов ид для эго. По-видимому, из приведенного анализа с необходимостью вытекает, что эти символизированные и символически организованные эмоции являются не только представителями *для* эго; они также должны рассматриваться и как неотъемлемые *части* эго.

Возможно, кому-то это покажется относительно радикальным выводом – а именно, что эмоции, или аффект, на уровне нормального взрослого человека должны рассматриваться как *символически генерализованная* система, что они никогда не являются «импульсом ид» как таковым.

Аффект не есть прямое выражение побудительного мотива, но включает его в себе лишь постольку, поскольку он организован и интегрирован как с опытом реальности индивида, так и с теми культурными паттернами, которые он усвоил через процессы идентификации.

В более общем плане взгляд на личность, развиваемый в этой статье, видимо, в целом согласуется с акцентом на психологии эго и на проблемах его интеграции и функционирования как системы, возросшим в последнее время в самой психоаналитической теории. Структурная теория Фрейда в основе своей явно вела в правильном направлении, поскольку ясно сформулировала три основных исходных пункта теории личности: потребности организма, внешнюю ситуацию и паттерны культуры.

В свете интеллектуальных традиций, в русле которых происходило теоретическое развитие Фрейда, вполне естественно, что культурный элемент, как он его сформулировал в понятии суперэго, должен был быть разработан последним из трех и труднее всего укладывался [в схему].

В развитии более общей теории действия, между тем, культурный элемент, как я постарался показать, должен определенно занять центральное место. Ведь если брать в формулировках Фрейда только эго и ид, не будет адекватного моста, соединяющего теорию личности с теоретическим анализом культуры и социальной системы.

Суперэго как раз и обеспечивает такой мост, поскольку не может быть объяснено ни на каком другом основании, кроме как на основании приобретений, [полученных] от других людей через процесс социального взаимодействия.

Чему, в сущности, была посвящена эта статья, так это рассмотрению понятия суперэго в свете развития теории в областях культуры и социальной системы; в ней была предпринята попытка проследить следствия, вытекающие из появления суперэго в мышлении Фрейда для теории личности как таковой. Результатом стало предложение внести некоторые модификации в собственную теорию личности Фрейда¹².

¹² Возможно, характер этих модификаций станет более ясен читателю, если привести следующую ревизию известной диаграммы личности как системы, которую Фрейд ввел в работе «Я и Оно» (*Фрейд 3. «Я и Оно»... С. 362*) и приводит в исправленном виде в «Про должении лекций по введению в психоанализ» (*Фрейд 3. Введение в психоанализ... С. 349*). Эти две версии Фрейда отличаются только тем, что последняя включает суперэго. Поэтому я буду проводить сравнения с этой версией.

Во-первых, в диаграмме Фрейда суперэго помещается с одной стороны от эго. Здесь же оно трактуется как средоточие интернализированной культурной системы и, стало быть, помещается в центр.

Во-вторых, предлагаемая мной новая диаграмма вслед за Фрейдом трактует суперэго как, по существу, часть эго, однако расширяет эту концепцию, включая в эго в качестве его частей все три компонента интернализированной культуры.

В-третьих, вводится различие, которого Фрейд вообще не учитывает, а именно различие между культурными элементами, как они интернализованы в личности, и [культурными элементами] как объектами ситуации. Таким образом:

Культурные объекты	Интернализованные субъект и социальные объекты
1. Когнитивная система соотношения	Интернализованные образы Я-объекта
2. Общие моральные стандарты	Суперэго
3. Экспрессивный символизм	Символически организованный аффект

С моей точки зрения, Я ориентировано *как* на альтер, *так и* на несоциальную ситуацию, которая включает и физические, и культурные объекты. Обе ориентации включают когницию и катексис, и обе подчинены оценочному отношению; но только в случае альтер как объекта эти ориентации являются *взаимными*.

На мой взгляд, эго, таким образом, включает все три элемента общей культуры, и вытеснение затрагивает все три этих элемента. Кроме того, нет никаких оснований для того, чтобы большие части общей культуры — независимо оттого, вытеснены они или нет, — не принадлежали бессознательному.

В этом смысле статья содержит немало критики Фрейда, которая может показаться неуместной в статье, освещающей вклад психоанализа в социальную науку. Подчеркну, однако, что у автора не было намерения предстать в первую очередь критиком. В каких-то местах необходимо было заострить критический аспект, поскольку читатель из числа психиатров или психоаналитиков вряд ли хорошо знаком с достижениями социологической теории, имеющими важную связь с понятием суперэго.

Главная цель здесь, однако, состоит в том, чтобы внести вклад в развитие общей основы теоретического анализа человеческого поведения, которая могла бы послужить объединению всех наук, изучающих этот предмет.

Важнейший и основополагающий факт состоит в том, что Фрейд сформулировал понятие суперэго и встроил его в свой общий анализ человеческой мотивации. Эта [формулировка] и аналогичные ей формулировки в области социологии являются прочными основаниями, на которые мы должны опираться.

По моему убеждению, поистине можно сказать, что мы в настоящее время в состоянии соединить теорию личности и теорию социальной системы в рамках принципиально одной и той же общей концептуальной схемы. Введение Фрейдом понятия суперэго было одним из важных факторов, сделавших это возможным.

Перевод В.Г. Николаева

По-видимому, принятой здесь точкой зрения предполагается, что интеграция личности как системы должна рассматриваться как функция эго; но, согласно Фрейду, в равной степени важно, как было сказано выше, что эго, так сказать, смотрит в три стороны и подвержено давлению со всех трех сторон – т.е. со стороны организма индивида (ид), со стороны внешней ситуации и со стороны интернализованных символических систем культуры. Я признателен д-ру Джеймсу Олдсу за помощь в составлении этой схемы.
